

Мемуары В.Г. Шапрон дю Ларре

Продолжение. Начало в № 3, 4, 6 за 2017 г.

Владимир Генрихович Шапрон дю Ларре – симбирский дворянин швейцарского происхождения. Воспоминания, написанные им на французском языке, передают время, которое стало переломным как для его судьбы, так и для всей страны. Русский перевод воспоминаний публикуется впервые.

Глава III. Казань

(печатается в сокращении)

П.А. Коровиченко

Вдруг вечером обстрел и выстрелы резко прекратились. Наступила тишина, наполненная мрачным предчувствием. Улицы опустели, все газовые фонари потушены. После 7 часов я решил выйти. Мимо гостиницы пробегал какой-то офицер, который бросил мне на ходу: «Всех

офицеров вызывают в военную школу в Кремле, положение критическое, Коровиченко¹ нас предал». Я быстро вернулся за саблей и пистолетом и, никого не предупредив, направился в Кремль.

На улице не было ни души. На встречу мне попался юноша в форменной одежде, который вел за узды несчастную лошадь, тащившую телегу. Я спросил, куда он идет и что везет. На что он ответил: «Господин, я как санитар помогал раненым в бою, и теперь везу тело убитого кадета».

Эта фраза, а особенно интонация, с которой она была произнесена, навсегда осталась в моей памяти. С самого появления университетов и кадетских школ в России между студентами и кадетами всегда была непримиримая вражда. Большевики смогли это сломать, примирив эти стороны не ради жизни, а во имя общей смерти, ради спасения отечества, идущего к пропасти.

Я не стал больше его задерживать и ускорил шаг. Вскоре послышался громкий шум голосов, и я поспешил к группе офицеров узнать, что произошло.

– Куда вы идете?

– В военную школу.

– Все кончено. Нас предали. Мы только что оттуда. Полковник Коровиченко отдал приказ войскам покинуть траншеи, вернуться в город. А сам послал парламентариев к противнику. В данный момент он в расположении школы готовится сдать войска.

Через несколько часов мы будем свидетелями расстрела этих несчастных кадетов и их командира. Банды большевиков захватывают Кремль и город.

Узнав это, мне оставалось только вернуться в гостиницу и сообщить всем знакомым такую ужасную новость. Было решено эту ночь дежурить по очереди в вестибюле, но ночь прошла спокойно.

Итак, вот что произошло: Коровиченко, социалист и сторонник Керенского, надеясь, что последний спасет его шкуру, принес в жертву жизнь этих несчастных молодых людей. Большевики проникли в школу и безо всякой жалости перерезали всех юношей. Те, кто пытался спастись, выпрыгивали в окна и попадали прямо на штыки.

Самого Коровиченко в закрытой машине отвезли в особняк, который он занимал, будучи командующим Казанским военным округом, и посадили под домашний арест. С должности его сместил Ершов, как ранее Коровиченко сместил генерала Сандецкого².

[...]

Около 10 часов утра мы стали свидетелями триумфального вхождения в город победителей. Чтобы ничего не пропустить, я пошел в номер мадам Добронравовой, окна комнат которой выходили на главную улицу, ведущую в Кремль. Сначала галопом проскакала длинная вереница всадников, вооруженных до зубов. Лошади же их представляли ужасное зрелище: не чи-

щенные много дней, не подкованные, они хромали и падали. Следовавшие за ними пешие были украшены красными лентами. Следом в сопровождении многочисленного эскорта проследовал на коне Ершов. Вскоре дикие крики этих голодранцев раздались из Кремля. По улицам с криками носились всадники. Один из них свалился прямо перед гостиницей, лошадь сломала ногу. Тщетно пытаюсь ее поднять, он бросил бедное животное и присоединился к кортежу, проезжавшему мимо гостиницы. Толпы на улицах, крики, появились солдаты с пушками, как мы узнали позже, с Финской батареи. Узнав, что город сдан большевикам, они покинули его ночью. Большею частью это были офицеры, также солдаты добровольцы. Ни один из них не попал в руки красных. Наконец все прошли. Только бедное животное с жадностью жевало сено, принесенное кем-то, ожидая своей участи.

[...]

В газетах не было никаких официальных приказов по армии. Большевики не тронули только одно здание, где разместились штаб-квартира. Поэтому все офицеры полка собирались как прежде, ожидая приказаний действующего пока Временного правительства.

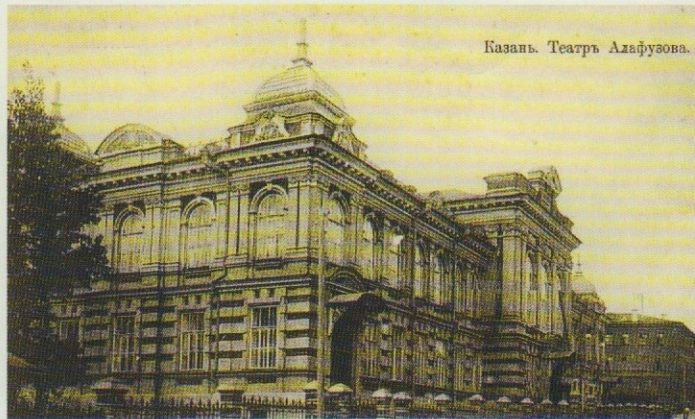
Никто не воспринимал всерьез эту внезапно и столь неожиданно появившуюся новую силу, ожидая скорого появления настоящей власти. Однако никто ничего не делал для страны, кроме Ленина и его соратников, готовивших передачу России немцам.

[...]

Однажды вечером в гостиницу приехал брат Сергея, мой дядя Евгений Шишков³. В имении брата в Вятской губернии отряд из 10-12 солдат, сформированный по приказу Временного правительства, под его командованием нес охрану по защите завода. Пробыв

Казанский кремль. Открытка.
Здесь находились юнкерские казармы

Театр Алфузова в Казани. Открытка.
В здании размещался штаб Красной гвардии

в Казани несколько дней, он вернулся, чтобы быть убитым. По рассказам, на завод, расположенный в довольно отдаленном месте, явилась банда большевиков, жестоко расправилась с администрацией завода, убив и моего дядю. Особенную ярость вызвал он, офицер. Его связали, притащили на лодку, расстреляли и утопили в Волге.

Во время ужина, на котором присутствовал Николай Есиков, дядя рассказал о своей жизни на заводе с началом революции, а мы поведали ему о происходящем в Казани. Около 8 часов вечера, ужин подходил к концу, пришел портень позвать меня к телефону. В коридоре он сказал: «Господин Шапрон, номер по которому вас вызывают, нам неизвестен, будьте осторожны в разговоре. В наше время можно ожидать любого подвоха».

Телефонистка, незнакомя мне дама, казалась очень взволнованной. Спросив мою фамилию, она сказала, что меня в довольно грубой форме требует представитель революционного комитета моего полка для дачи срочных объяснений. Теперь я знал, как себя вести, и поблагодарил даму. В телефоне грубый и нетерпеливый голос спросил: «У телефона товарищ Шапрон?».

Я сразу же ответил отрицательно, сказав, что его нет, но по его просьбе могу передать ему любую информацию сегодня же вечером.

– Передайте ему, что завтра в 8 утра он должен быть в революционном ко-

митете резервного полка, в случае невыявки он дорого заплатит.

Притворившись непонимающим, я спросил у этого мужлана о местонахождении комитета.

– Передайте только, что он должен явиться к командиру, дальше его проведут.

Вернувшись, я рассказал о состоявшемся разговоре, все решили, что ночь я должен провести на квартире у моих друзей Волковых, недавно сбежавших из своего огромного имения. Квартира была большой, разместиться я смог бы без всякого стеснения хозяев. Супруги Волковы, парализованный отец 50 лет и его бодрая и радушная жена, имели двух сыновей. Старший сын – офицер кавалерии, находился в Сызрани, где его полк стоял в резерве. Младший, которому едва исполнилось 17 лет, только что окончил классическую гимназию и жил с родителями.

[...]

Каждый вечер, меняя одежду, я выходил и шел до гостиницы, узнать, не пришли ли за мной. Поведение гостиничной прислуги, несмотря на призывы революционных комитетов бороться с хозяевами, осталось прежним. По давно сложившейся традиции, в этой гостинице селились дворяне Казани, прислуга работала здесь в течение многих лет и не приняла революции. Большинство из них продолжали работать на своем месте, какая-то часть приняла сторону новой власти и вступила в

комитет, которым руководил некий поляк. Делая вид, что я ничего не знаю об их политических пристрастиях, я поддерживал нормальные отношения со всеми. Мне сказали, что пока я был у Волковых, военные, проведя обыски, ушли, но лично меня никто не искал.

Я вернулся в гостиницу. Бедняга Федор скучал, но мое обещание скоро вернуться в Симбирск утешило его. Помочь мне уехать из Казани взялась мадам Добронравова через своего зятя, князя Волконского, служившего при штабе. По ее рекомендации, я обратился к нему с просьбой помочь перевести меня в кавалерийский полк. И уже через несколько часов я получил от него бумаги о зачислении меня в Сызранский резервный кавалерийский полк и пропуск для проезда. Я отправился к портному внести необходимые изменения в форму, нанес визит и поблагодарил мадам Добронравову, и, не боясь быть арестованным, стал готовиться к отъезду из Казани.

*Продолжение читайте
в следующем номере.*

Перевод с французского
Елены Мироновой,
кандидата филологических наук,
доцента кафедры романо-германских
языков УлГПУ
Примечания:
Т.А. Громовой, Н.Н. Южанина
(Endnotes)

¹ Павел Александрович Коровиченко (1874–02.12.1917), офицер царской армии. К 1917 г. имел чин полковника. Личный друг А.Ф. Керенского. Весной 1917 г. был комендантом Александровского дворца, где содержалась под арестом царская семья. С июля по сентябрь 1917 г. – Главный начальник Казанского военного округа. В сентябре 1917 г. по распоряжению А.Ф. Керенского назначен на ту же должность в Туркестан. После поражения руководимых в ходе боев с большевиками в Ташкенте, смещен. Убит в тюрьме солдатом конвоя. (Сайт: ria1914.info Офицеры русской императорской армии).

² Александр Генрихович Сандецкий (1851–1918), командующий Казанским военным округом. Смещен по указу А.Ф. Керенского.

После захвата красноармейцами Казани в 1918 г. был арестован, приговорен к расстрелу, кремирован. Прах захоронен в одной могиле с женой в 1947 г. на русской аллее кладбища в Александрии.

³ Евгений Александрович Шишков (1874–1918), муж Хованской Екатерины Александровны (1881–1913), помещик Ставропольского уезда Самарской губернии. В войну 1914–1917 служил в Чебоксарском полку, награжден Георгиевским крестом. Последние годы жил у брата на Сюгинском заводе в Вятской губернии, после захвата завода красноармейцами был арестован и расстрелян. (Князь С.А. Хованский. Князья Хованские. М., 2007. – С. 307–308.)